

И. А. Воробьева

Открытость и гласность судопроизводства: от дореволюционного суда к советскому суду первой пятилетки

Открытость и гласность судопроизводства, т. е. возможность присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, и представителей средств массовой информации (журналистов) в современной России гарантируются целым рядом правовых норм, включая Конституцию Российской Федерации¹. Пленум Верховного суда РФ, разъясняя порядок применения Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»², указал, что «открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду»³. В исторической проекции реализация этих принципов также отражала соотношение диалога государства и общества, являясь зеркалом развития судебной системы. На материалах изучения судебных органов Петрограда-Ленинграда попробуем проследить, какие формы приобретали принципы гласности и открытости советского суда, пройдя путь к началу 1930-х гг.

Прообразом принципов гласности и открытости советского судебного процесса являлись соответствующие начала судопроизводства, введенные в Российской империи судебной реформой 1864 г.⁴, когда суд начал «разбирать дела изустно и публично», а «приговор прочитывать при открытых дверях присутствия»⁵. Поскольку советское судопроизводство восприняло эту правовую модель, кратко следует сказать о пореформенном суде, содержащем в себе наиболее разработанные теоретические обоснования указанных принципов и имевшем более чем пятидесятилетнюю историю практики их применения.

Во-первых, принцип публичности суда являлся естественной формой реализации состязательного процесса и был противопоставлен «канцелярской тайне». Достигаемая таким образом прозрачность правосудия воспринималась как «условие, которое бы исключало возможность злоупотребления должностными лицами от юстиции», а это давало бы обществу знание того, какие акты выносит судебная власть, а также определенную гарантию справедливости при вынесении приговоров и решений. Наиболее остро это ощущалось в уголовном судопроизводстве, поскольку считалось, что личность обвиняемого оставалась незащищенной от произвола властей «при безгласности суда <...> и при заочности окончательного (во второй инстанции) суда», поскольку «подсудимый, имея против себя и доносителя, который, находясь на свободе, удобно изыскивает доказательства, и следователя, который очевидно не может в одном лице соединять с обязанностью открывателя преступления обязанность защитника, и наконец, и самого прокурора, на которого возлагается преследование преступлений <...> вступает в слишком неравную борьбу»⁶. Участием публики этот дисбаланс частично устранился.

Во-вторых, в пореформенном судопроизводстве Российской империи публичное проведение судебных заседаний по делам о преступлениях и проступках являлось общим правилом, а закрытие для публики дверей суда рассматривалось скорее как исключение, направленное преимущественно на охрану веры и нравственности. Допускалось закрытие заседаний и для «ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка или обеспечения правильного хода судебных действий». Закрытый суд был возможен «только при явной в том необходимости с точным означением в определении: какие именно действия должны происходить при закрытых дверях и по каким причинам», однако даже в этом случае по желанию подсудимого и потерпевшего в зале суда «могли быть оставлены родственники их и знакомые, не более, впрочем, как по три лица с каждой стороны»⁷.

В-третьих, регулировалось поведение лиц, допущенных на открытый суд, что нашло отражение в нормах Судебных уложений, давших полномочия по наведению порядка в зале председательствующему судье, который должен был «не допускать ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям, <...> останавливать всякого, кто в судебном заседании осмелится вы-

ражать одобрение или неодобрение сделанных показаний или объяснений, входить в недозволенные сношения со свидетелями или с присяжными заседателями или же иным образом нарушать установленный порядок»⁸. Для того чтобы упорядочить нахождение в зале суда лиц, не являвшихся участниками судебного процесса, использовался специальный организационный прием — выпуск билетов, дававших право прохода в залы судебных заседаний⁹. Билеты, число которых по наиболее громким делам могло достигать в одном процессе нескольких сотен, в целях безопасности старались предоставлять благонадежным в поведении лицам¹⁰. Родственники подсудимых также проходили на заседания по билетам¹¹. Репортеры свободно посещали залы суда, значительным числом столичных газет публиковалась судебная хроника, а сведения о всех судебных присутствиях Санкт-Петербурга печатались в справочнике «Весь Петербург»¹².

Следует признать, что хотя в феврале 1887 г. в Судебные уставы были внесены изменения, согласно которым министру юстиции было предоставлено право самостоятельно, без учета мнения суда, определять, какие дела должны слушаться в закрытом судебном заседании¹³, принцип гласности судопроизводства широко реализовывался вплоть до 1917 г. Это предоставляло обществу возможность быть своеобразным наблюдателем за судебной властью, которая, хотя бы отчасти, не могла не учитывать тот публичный резонанс, который производился открытыми судебными процессами.

Февральская революция разрушила существовавший порядок: одним из первых действий, проявивших отношение маргинальной части общества к имперскому суду, был разгром помещений, где находились судебные органы: в Петрограде было сожжено здание Окружной палаты, из 60 камер мировых судей полностью уничтожено 34, 19 камер пострадали частично¹⁴. Функционировавшие в марте — июле 1917 г. временные суды¹⁵ частично восполнили брешь в судебной системе Петрограда, но они работали только в двадцать одной камере мировых судей. Однако принцип публичности изменен не был, деятельность судебных учреждений освещалась прессой, как и суд императорской России¹⁶.

Радикальные изменения произошли после октябрьских событий: декретом большевиков № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. общие судебные установления были упразднены, приостановлено действие мировых судей¹⁷. В. И. Ленин, опираясь на опыт Французской революции, полагал, что диктатура пролетариата должна «разбить на куски» буржуазное государство и его институты, а революция «не реформировать судебные учреждения, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат»¹⁸, поэтому в ходе захвата власти большевиками судебная система Петрограда фактически перестала существовать. Однако с первых дней организации советского суда принципы гласности и открытости судопроизводства, заимствованные у суда пореформенного периода, декларировались как основы советского уголовного и гражданского процесса, поскольку считалось, что правосудие при публичном

отправлении «ставится под контроль трудящихся и <...> психологически воспринимается ими не как чуждая и скрытая от них завесой тайны деятельность, а как близкое и связанное с их собственными интересами дело»¹⁹. Одновременно эти принципы получили новое наполнение²⁰ в связи с революционным пониманием того, что при диктатуре пролетариата осуществлять правосудие имеет право лишь народ, к которому в большевистской парадигме относились далеко не все слои общества. Такой подход сразу же противопоставил «справедливый и понятный» суд «людей из народа», т. е. «народный суд», ранее существовавшему «несправедливому буржуазному суду», «суду профессиональных юристов-крючковторов». Этому способствовало и законодательное закрепление классового подхода к правосудию, и утверждение принципа отправления судебной деятельности исключительно трудящимися, и формирование определенного социального состава судей, состоявшего преимущественно из выходцев бывших «низов» — рабочих и крестьян. Стихийные первые суды, такие как суд при Выборгском районном Совете рабочих и солдатских депутатов, созданный «для борьбы с грабежами, мародерством, драками, хулиганством»²¹, практически реализовывали это представление, являя собой суд революционно настроенной толпы, находившейся в зале суда и одновременно участвовавшей в правосудии²².

В нормативных указаниях первых лет Советской власти о публичном пролетарском суде просматривалось революционное упрощение права. Инструкцией к Декрету № 1 «Об организации и действии Местных Народных Судов» кратко предписывалось проводить все заседания суда открыто, но, «если в том по особым соображениям встретиться надобность», публика могла быть «удалена на время по постановлению суда», при рассмотрении дел должен был «соблюдаться внешний порядок, соответствующий достоинству Народного Суда»²³. Декретом о суде № 2 просто давалась отсылочная норма к Уставам 1864 г. с оговоркой, что они подлежат применению, «если таковые не отменены декретами ЦИК и СНК и не противоречат сознанию трудящихся»²⁴. О публичном проведении заседаний, но без установления процедуры, говорила и инструкция «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих ведению, налагаемых им наказаниях и порядке ведения его заседаний»²⁵. В «Положении о Народном Суде Р. С. Ф. С. Р» 1920 г. гласность и открытость суда вообще формально были упущены²⁶. Кроме того, нельзя не сказать о том, что заявленные большевиками принципы открытости и гласности суда были оторваны от других основополагающих начал судопроизводства, реализованных ранее пореформенным судом (таких как несменяемость судей, участие присяжных заседателей, состязательность судебного процесса и пр.), что в значительной степени выхолащивало содержание принципов открытости и гласности, направленных на независимость судебной системы.

Несмотря на неразработанность норм права, практика жизни в этот период времени показывала, что принципы открытости и гласности сохранялись: пуб-

лика допускалась в суд, судебные заседания освещались пролетарской печатью. Например, газета «Известия» с декабря 1917 г. начала регулярно публиковать хронику заседаний Петроградского революционного трибунала²⁷, полемизировала о народном суде²⁸, делала сообщения от комиссара юстиции²⁹.

Вместе с тем именно открытый и гласный характер судебной деятельности стал использоваться большевиками как один из способов осуществления идеологических целей РКП(б) в области юстиции, поскольку следовало продемонстрировать публично, что именно «пролетарский суд должен был всей своей деятельностью осуществить указания Ленина о беспощадном подавлении всех попыток классового врага помешать успехам социалистического строительства», как впоследствии скажет об этом А. Я. Вышинский³⁰. Ярким примером такого открытого судебного процесса, отражавшего понимание публичной пролетарской законности, стало дело в отношении митрополита Вениамина и других деятелей православной церкви в связи с их сопротивлением изъятию ценностей, рассмотренное с 10 июня по 5 июля 1922 г. Петроградским революционным трибуналом под председательством судьи Н. И. Яковченко. Судебный процесс символично проходил в большом зале бывшего Дворянского собрания (впоследствии — Филармонии), одновременно напоминая по форме и судебные заседания, и театральные постановки дореволюционного времени. Как вспоминает очевидец событий, «на эстраде — стол с красным сукном, по бокам эстрады — два стола для стенографисток и для печати, <...> посредине зала — небольшой столик, тоже под красным сукном, к которому вызываются подсудимые и свидетели <...> слева — стол обвинителя, справа — стол защиты, сзади которого, возвышаясь ярусами, — несколько рядов скамей для обвиняемых. Вся остальная часть — зала, ложи, балкон — отведены для публики. <...> Первые дни зал был переполнен, места на стульях брались с бою и занимались задолго до заседаний, а затем ряды публики редели <...> к моменту прения сторон наплыв публики снова увеличился»³¹. Сохранившиеся фотографии зафиксировали многочисленность зрителей этого судебного дела³², однако допуск в зал суда не был открытым. Как указывал тот же очевидец, «вход осуществлялся по билетам, выданным в ревтрибунале, во вторую и третью неделю в зал суда был разрешен доступ по партийным билетам и студенческим удостоверениям. Проверяли билеты на входе в здание филармонии и у дверей зала, <...> требовалось предъявление билетов и при выходе»³³. Поскольку «билеты давались с большим выбором, и масса, способная на демонстрацию, толпилась у входных дверей суда»³⁴, можно предположить, что такой подход должен был обеспечить публику, политически солидарную с судом и готовую принять суровый приговор обвиняемым. Родственники и близкие подсудимых, представители духовенства, случайные люди составляли меньшинство в зале. Толпа у дверей филармонии, для которой подсудимые были мучениками, была лишена доступа в суд, а затем и разогнана³⁵.

Судебная реформа 1922–1923 гг. более детально формализовала принципы гласности и открытости судопроизводства в Советской республике. Так, статьей 29 «Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» 1922 г. предписывалось место нахождения камеры народного судьи публиковать во всеобщее сведение³⁶, в связи с чем в адресной книге Ленинграда за 1924 г. уже присутствует информация о губернском суде, камерах мировых судей, а также общие разъяснения о порядке деятельности судебных органов и органов прокуратуры³⁷. Эти данные отражались и в последующих изданиях справочника. Введенные в ходе реформы процессуальные кодексы (просуществовавшие с изменениями вплоть до начала 1960-х гг.) юридически закрепили публичность судебных заседаний, предоставив возможность «всякому желающему право присутствия на судебном разбирательстве дела»³⁸. Так, статьями 19–21 Уголовно-Процессуального кодекса РСФСР 1923 г. было установлено: «Все судебные заседания публичны. Удаление публики из зала заседания на все время заседания или на часть его допускается не иначе, как по мотивированному определению суда и лишь в случаях, где представляется необходимым охранить военную, дипломатическую или государственную тайну, а также по делам о половых преступлениях, предусмотренных ст. ст. 166–169 Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»³⁹. Статьи 94–96 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. также указали на обязательность разбирательства гражданских дел в открытом порядке, за исключением, «если по обстоятельствам дела публичность разбирательства может оказаться нежелательной с точки зрения охраны публичного интереса, а также если обстоятельства дела касаются интимной жизни стороны»⁴⁰. Приговоры и решения судов во всяком случае должны были объявляться публично⁴¹. Лица моложе 14 лет в зал судебного заседания не допускались⁴². Можно заметить, что приведенные нормы в значительной степени повторяли соответствующие требования Судебных уложений 1864 г., что неудивительно, учитывая, что преемственность правовой традиции была осуществлена не без помощи А. Ф. Кони.

Общий послереволюционный упадок все же сказывался на усеченном характере законотворчества и правоприменения. Следует обратить внимание на юридическую тонкость: разделы процессуальных кодексов, регламентировавшие порядок рассмотрения дел в кассационной инстанции, сами по себе не содержали указания на обязательность разрешения дел в публичном порядке. Исключение составляли ст. 435 УПК РСФСР (согласно которой рассмотрение дел в кассационной коллегии Верховного Суда должно было происходить открыто⁴³) и ст. 242 ГПК РСФСР (в соответствии с которой Верховный Суд был обязан публиковать «список дел, назначенных к слушанию, в официальном органе Народного Комиссариата Юстиции не позже, чем за две недели до судебного заседания и вывешивать о том объявление в самом здании суда»⁴⁴). Для губернских, впоследствии окружных, областных судов такого прямого указания закона не имелось. Кроме того, представляется, что принцип открытости суда фактически не распространялся на разбирательство дел в над-

зорной инстанции в силу особенностей этого института обжалования судебных актов, вступивших в законную силу. То есть в наибольшей степени открытыми были суды первой инстанции (низовое звено), свободный доступ для публики при дальнейшем прохождении дела сокращался. Записки иностранного очевидца — норвежца Олафа Брока, посетившего в 1923 г. Петроград, — косвенно подтверждают это. Он писал, что народные «суды открыты для всех», в них «речи сторон <...> порой, как и других странах, могут повеселить слушателя, а в задачи суда чаще входит примирение конфликтующих, <...> в помещении суда нередко бывает душно и грязно, а шумная, тесно набившаяся публика не располагает к душевному общению, но ведь это и не удивительно в тех условиях. Залы заседания высших инстанций более элегантны, соответственно их статусу, а процедура более формализована»⁴⁵.

Исчерпывающего перечня категорий дел, где требовалось «охранить военную, дипломатическую или государственную тайну» и, в силу этого, подлежащих рассмотрению только в закрытом судебном заседании, не существовало. В отсутствие точных критериев суды зачастую рассматривали такие дела, не вынося определений об удалении публики, хотя бы конкретное дело и могло затрагивать государственные или военные интересы. Так, изученные автором дела о контрабанде, нелегальном пересечении государственной границы, подделке государственных билетов, контрреволюционных преступлениях и пр. рассматривались Особой камерой народного суда Петроградского уезда, Петроградским губернским судом, а затем и Ленинградским областным судом открыто⁴⁶. Но, к сожалению, сохранившиеся материалы позволяют сделать вывод только о формальной стороне вопроса. Были ли при рассмотрении всех этих уголовных дел фактически допущены лица, не являвшиеся участниками процесса? На это, скорее всего, следует ответить отрицательно, учитывая, что сведений о присутствовавшей публике в делах не содержится, а доступ в здание суда мог быть ограничен охраной.

В силу закона в закрытом режиме обязательно должны были слушаться дела о половых преступлениях, предусмотренных статьями 166–169 УК РСФСР 1922 г.⁴⁷ Закрытие судебных заседаний в этих случаях было необходимо как «во избежание нежелательных последствий в отношении социальной нравственности», так и «для нахождения истины судом» поскольку «по вполне понятному чувству стыда потерпевшая, подсудимый и свидетели не могут давать своих показаний в той определенной форме и со всеми теми подробностями, которые нужны»⁴⁸. Однако и в указанных уголовных делах практика открытых и закрытых заседаний была различной. Так, например, в апреле 1925 г. Ленинградским губернским судом под председательством заместителя председателя суда Г. В. Беякова рассматривалось политически чувствительное дело ксендза Бронислава Уссаса⁴⁹. Ксендз церкви Святой Екатерины был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 169-а УК РСФСР («Понуждение женщины ко вступлению

в половую связь с лицом, в отношении коего женщина является материально или по службе зависимой»), поскольку он, по версии следствия, подвергал систематическому сечению розгами женщин прихода. Обвинение вызвало сомнение и недовольство прихожан, желавших присутствовать на суде. Однако, поскольку судебные заседания были закрытыми, не допущенная многочисленная публика ожидала окончания процесса на улице, напротив здания губернского суда по адресу наб. р. Фонтанки, д. 16⁵⁰. В более рядовых случаях суды Петрограда-Ленинграда зачастую нарушали требования о рассмотрении дел о половых преступлениях в закрытом процессе, особенно если производство оканчивалось не приговором, а прекращением дела. Например, сведения о закрытом судебном заседании отсутствуют в деле Петроградского губернского суда в отношении В. А. Петрова, обвинявшегося в развращении малолетних и изнасиловании, прекращенном 15 марта 1923 г. в связи с признанием обвиняемого недееспособным и направлением его в психиатрическую больницу⁵¹. Нет такой информации и в уголовном деле Петрогубсуда по обвинению Л. Николаева в изнасиловании (дело прекращено в связи с амнистией к 5-й годовщине Октября)⁵². Известно и обратное, когда делу придавалась дополнительная публичность при его рассмотрении, хотя оно подлежало слушанию при закрытых дверях. Подтверждением этого является широко известный судебный процесс о групповом изнасиловании 21 августа 1926 г. в Чубаровском переулке Ленинграда 20-летней работницы⁵³. Чтобы понять причину, по которой дело рассматривалось в открытом порядке, надо оценить уровень разгула уличной преступности в Ленинграде того времени. Прокурор Ленинградской губернии И. А. Крастин таким образом иллюстрировал ситуацию в городе на момент рассмотрения «Чубаровского дела» судом в декабре 1926 г.: в Ленинграде имели место «нападения на многочисленных частных граждан, охрану завода “Советская звезда”, убийства постовых милиционеров, за последнюю четверть 1926 года участились вооруженные разбойные нападения, сопровождаемые убийствами и ограблениями граждан, учреждений и предприятий <...> совершено 27 отдельных крупных вооруженных нападений, повлекших 19 жертв, нападения совершались группами от 2-х до 4-х человек и носили чрезвычайно дерзкий характер»⁵⁴. В этих условиях решение о проведении открытого судебного процесса являлось политически значимым: более двадцати обвиняемых, из которых семеро приговорены к расстрелу (впоследствии двоим смертная казнь была заменена на лишение свободы), были показательно осуждены уже не только за изнасилование и хулиганство, но и за бандитизм⁵⁵. Дело широко освещалось прессой и даже послужило прототипом художественного фильма «Суд должен продолжаться», снятого в 1930 г.⁵⁶

Перечисленные примеры дают основания сделать вывод о том, что в значительной степени открытость судебного заседания зависела как от усмотрения суда, основанного на собственном (зачастую произвольном) понимании права,

так и от политической конъюнктуры. Формальные требования процессуальных кодексов могли игнорироваться.

Специфической формой реализации принципа публичности, многократно использовавшейся советским судом, стали выездные судебные заседания. В уголовном процессе 1920 — начала 1930-х гг. правовым основанием для этого являлась ст. 301 УПК РСФСР, предусматривавшая, что «в случае необходимости для производства осмотра выезда на место преступления суд может поручить производство такового одному из членов суда, либо в назначенное для этого время выезжает туда в полном составе»⁵⁷. Фактически же суд производил все (а не только отдельные) процессуальные действия, рассматривая дело «в целях приближения суда к широким массам»⁵⁸ не в помещении судебной камеры, а на заводах, фабриках, в жилконторах, в сельсоветах. Доклад председателя Ленинградского губернского суда Ф. М. Нахимсона на собрании членов коллектива партийной организации суда от 20 августа 1925 г. демонстрирует отношение к выездным сессиям. Отчитываясь о проделанной работе, Ф. М. Нахимсон особенно подчеркивал «очень важную работу нашего суда — работу выездных сессий» и указал: «...наши выездные сессии в городе побывали на очень многих заводах, решительно каждый Нарсуд был в выезде по самым бытовым вопросам, растрата, аборт и т. д., всего произведено до 200 выездных сессий. Сделано то, о чем в прошлом году мы не могли и мечтать. Эта работа в дальнейшем будет, конечно, углублена как имеющая очень важное значение в области популяризации нашего Суда и права среди широких масс населения. Вообще значение выездных сессий всем понятно. <...> Это еще и способ смычки города с деревней»⁵⁹.

Целью выездных заседаний, носивших показательный характер, в значительной мере было «воспитательное» воздействие советского суда. Как писал А. Я. Вышинский, в целом ряде записок по частным поводам на имя Курского, Аванесова, Цюрюпы, Богданова и других В. И. Ленин подчеркивал «громдное значение гласного рассмотрения различных дел в судах именно с точки зрения воспитания в трудящихся массах уважения к советскому закону и к трудовой дисциплине»⁶⁰. Ссылаясь на выступление И. В. Сталина на ленинградском партхозактиве в 1926 г., А. Я. Вышинский также отмечал: «Итак, две линии: подавление врага и укрепление дисциплины. Одним устрашением эти задачи не решишь, нужна и общественная “моральная атмосфера”. В деле создания “морального бойкота” гласному суду трудящихся должно принадлежать одно из первых мест»⁶¹. Авторы многочисленных учебных пособий по уголовному процессу того времени М. С. Строгович и Д. А. Карницкий конкретизировали, указывая, что «только этим способом достигается одна из целей мер социальной защиты — общее предупреждение преступлений, так как простое опубликование приговора в печати или оглашение на сходе, очевидно, недостаточно»⁶². При такой постановке вопроса обязательность проведения выездных заседаний неоднократно была предметом особого внимания органов партии именно

по «политической линии» и расценивалась ими как своеобразный способ реагирования на злободневную повестку. Так, С. М. Киров, отмечая 11 июня 1928 г. важность предстоящего выездного судебного заседания по делу о хулиганстве, требовал: «...ввиду заинтересованности рабочих других заводов процессом и в случаях хулиганства на заводе “Электросила” перенести процесс из здания завода в другое более обширное помещение, обеспечив рабочим “Электросилы” необходимое количество билетов»⁶³. Областной комитет партии, оценивая в сентябре 1928 г. мероприятия по дальнейшему усилению охраны труда в ленинградской промышленности, признавал «недостаточное соблюдение условий труда, слабый технический надзор, халатное отношение технического и административного состава к созданию нормальных условий труда» и, используя для этого как пример уголовное дело о покушении рабочего Быкова на мастера цеха фабрики «Скороход» Степанова, дал директиву провести по делу показательный процесс⁶⁴. Партийные органы районного звена не отставали: в частности, пленум партийной организации Московско-Нарвского района Ленинграда от 30 июля 1927 г., отмечая недостатки в работе нарсуда, признавал недоработкой «отсутствие проведения показательных судов, а также отчетов о работе суда и постановки докладов о революционной законности на предприятиях» и обязывал «признать необходимыми выездные сессии»⁶⁵. Советские органы тоже давали свои директивы судам о проведении показательных процессов. Это имело место и по актуальным для города вопросам (например, по делам о хулиганстве)⁶⁶, и в отношении конкретных происшествий, имевших общественно-политический резонанс. К примеру, Президиумом Ленсовета рассматривались обстоятельства дорожной катастрофы 1 декабря 1930 г. в районе Средней Рогатки у Московской заставы, в результате которой погибли рабочие, ехавшие в трамвае, в связи с чем суду было дано указание «форсировать ведение дела, с таким расчетом, чтобы назначить его 04 декабря»⁶⁷. Процесс был проведен выездной сессией Ленинградского областного суда под председательством судьи И. Г. Ростовцева в помещении клуба артиллерийской школы на международном проспекте⁶⁸. Без сомнения, пример подавали и выездные сессии Верховного Суда, проводившиеся в Ленинграде. Достаточно вспомнить знаменитое дело «Ленинградских судебных работников» 1924 г.⁶⁹

Открытые выездные заседания были особой формой публичного судебного воздействия и по так называемым «кампанейским» делам, при рассмотрении которых суд фактически использовался как орудие достижения конкретных политических целей, поставленных органами партии и государства. Такие судебные «кампании» имели место в Ленинграде и Ленинградской области применительно к делам о сдаче хлебопродукции, льна, лесозаготовках, выполнении промфинплана, мобилизации денежных средств, об организации рабочего снабжения, нарушениях постановления о ценах, о перепродаже и спекуляции и пр.⁷⁰ и составляли, согласно конъюнктурным отчетам Леноблсуда, около 20 % в целом по области, а по Ленинграду — около 4,5–5%⁷¹.

Например, в рамках кампании о раскулачивании протоколом № 11 от 29 августа 1930 г. «О проведении хлебозаготовок в Ленинградской области» заседания секретариата областного комитета партии отмечалось: «Областному суду с максимальной быстротой проводить разбор кулацких дел, в особенности о насильственных действиях кулаков, организуя широкие показательные процессы на местах»⁷².

Поскольку выездные заседания суда оценивались в первую очередь как показательные, к ним предъявлялись особые требования. Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда РСФСР еще в 1924–1925 гг. разъясняла, что «нужно быть очень осторожными при постановке показательных процессов, и их следует ставить, во-первых, только при особом общественном или политическом значении дела, а во-вторых, при сравнительно бесспорных данных о виновности привлеченных к делу лиц»⁷³. Циркуляром Ленинградского областного суда от января 1928 г. № 1\с-28 нарсудам Ленинграда предписывалось «вопросы о выездных заседаниях по имеющим значение общественным делам решать личным распоряжением основных нарсудей по предварительному согласованию с райкомом партии и с соблюдением основных директив Верхсуда <...> и действующих отдельных циркулярных указаний бывшего Ленинградского губернского суда»⁷⁴. В случае если суд в этом совершал ошибку, на нее обращали внимание со всей строгостью. Так, Василеостровский районный комитет ВКП(б) в письме от 26 декабря 1930 г. в адрес председателя Леноблсуда А. И. Грибова потребовал «указать райсуду на допущенную опрометчивость и политическую нецелесообразность постановкой показательного процесса на Писчебумажной фабрике им. Зиновьева по делу вредителей, в результате которого большинство обвиняемых были оправданы, поставив на вид судье Васильеву за недостаточный учет обстоятельств, при которых должен был происходить суд». Райкомом было предложено впредь «райсуду при постановке показательных судов внимательно взвешивать все обстоятельства, политическое значение и актуальность дела, увязываясь с местными организациями», доклад о работе суда был поставлен на обсуждение бюро Райкома «в ближайшее время»⁷⁵. Можно предположить, что воспитательное значение открытого и тем более показательного судебного процесса виделось преимущественно в репрессивном характере его воздействия, а не в установлении истины в ходе судебного следствия. Это хорошо иллюстрируют дискуссии юристов-теоретиков и практиков в журнале Ленгубсуда «Рабочий суд». Например, в заметке «О показательных процессах» автор С. Рейзман, хотя и указывал, что «у нас все процессы публичные, следовательно, показательные», однако признавал, что «для показательных процессов подбираются дела по преступлениям, особенно волнующим трудящиеся <...>, где сам факт тяжести преступного деяния или характерно выраженный тип правонарушителя требует применения к нему наибольшего наказания»⁷⁶. Он же подтверждал сложившуюся практику того, что «раз на показательном процессе вынесено наказание ниже низшего

предела, условное или оправдательный приговор, то процесс сорван»⁷⁷. Судья И. Я. Епифанов в своем комментарии прямо призывал учесть отрицательный опыт показательных судебных процессов, стороной которых «является неизбежность приговора более сурового, чем по тому же делу в обычных условиях, то есть в здании Суда»⁷⁸. Ему оппонировал нарсудья З. М. Бродянский, полагавший, что «от судьи зависит направление показательного процесса, суд всегда имеет возможность на показательном процессе глубже изучить и развернуть дело», а «приговор <...> может дать те результаты, которых мы ждем от показательного процесса и произвести должный эффект»⁷⁹. В сущности, надо признать, что от показательных процессов до практики инсценированных судов был всего один шаг.

Одним из способов реализации гласности являлось освещение деятельности советского суда в периодической печати. Это становилось еще более важным при использовании показательных судебных процессов в хозяйственно-политических целях, что, в частности, было подчеркнуто междуведомственным совещанием по борьбе с преступностью, состоявшемся в Ленинграде 21 мая 1927 г.: «...значение приобретает активность пролетарской печати, связь между которой и судом “должна быть усилена”»⁸⁰. В 1930 г. из-за «непрерывного увеличения количества столкновений поездов, схода с рельс, поломки паровозов и вагонов» обком требовал упорядочить работы на железнодорожном транспорте и «по линии суда» указывал: «...дела рассматривать выездными показательными сессиями, <...> материалы освещать в прессе»⁸¹. Протоколом закрытого заседания президиума Леноблсуда от 19 мая 1931 г., на котором совместно с областным прокурором обсуждался проект директивного письма народным судьям и районным прокурорам о судебной политике по проведению хозяйственно-политических кампаний, требование о необходимости «связи суда с печатью» было высказано еще категоричнее, невыполнение этого указания рассматривалось как «ослабление наступления, <...> классовая слепота и правооппортунистическая практика»⁸².

Формы освещения печатью деятельности судов Петрограда-Ленинграда были различными. Можно сказать, что, если в ленинградских юридических изданиях, таких как «Бюллетень Ленинградского областного суда», «Рабочий суд», «Суд идет!», публиковались судебные отчеты, судебная практика, выступления известных юристов на актуальные темы⁸³, то в общей печати местного уровня преимущественно размещались заметки о конкретных судебных делах. Например, газета «Ленинградская правда» на третьей странице своего издания вела постоянные разделы: «Из залы Губсуда», «Суд», «Судебный дневник», а «Красная газета» и в утреннем, и в вечернем выпусках имела специальные колонки: «По народным судам» и «Судебная хроника», сообщая читателям новости из судов города. Так, «Красная газета» за 25 февраля 1923 г. сообщила о вынесении Петрогубсудом приговора в отношении Н. В. Румянцева, приговоренного к расстрелу в связи с его службой в царской «охранке»⁸⁴. В «Ленин-

градской правде» за 15 мая 1927 г. читаем, что «сегодня Трудсессией нарсуда слушается дело о гибели 4 рабочих, погибших от отравления окисью углерода, <...> к ответственности привлечен управляющий заводом Машкилейсон»⁸⁵. 29 июня 1927 г. «Ленинградская правда» в заметке «Дело сотрудников 22 отделения милиции» сообщала о том, что «в течение двух недель Губсудом под председательством тов. Старша слушалось дело об избиении крестьянина Мулыкайнена», и указывала на то, что, поскольку «такого рода дела подрывают в глазах населения авторитет милиции», обвиняемые были приговорены к лишению свободы и строгой изоляции на срок от трех до десяти лет с последующим поражением в правах⁸⁶. В жанре короткого репортажа газеты сообщали: «Дело о растрате в кассе взаимопомощи “Красного Треугольника” назначено на вторник, 23 сентября сего года. Дело будет слушаться на самом заводе»⁸⁷, «вчера Губсуд вынес приговор по делу 72 хищников “Пассажа” ЛСПО. Оправдано лишь трое»⁸⁸. Броские названия заголовков в стилистике криминальной хроники и фельетона, такие как: «Мечь»⁸⁹, «Последыш охранки»⁹⁰, «Суд над белогвардейцами — наемниками иностранных разведок»⁹¹, «Нравы нэпачей (суд над бывшим арендаторами фабрики “Крафт”»⁹², «Воры взаимопомощи»⁹³, «Овечки с фермы»⁹⁴, «Дело о калыме»⁹⁵, «В угаре НЭПа»⁹⁶ подчеркивали деятельность суда как классового орудия в борьбе с врагами советского государства. Иногда в газетных публикациях проскальзывала и критика в адрес суда с упреками в канцелярщине и бюрократизме (например, такие заметки, как: «Юридические звезды»⁹⁷, «К проверке судебного аппарата»⁹⁸, «Судьи без церемоний» и др.)⁹⁹. Необходимо отметить, что освещение журналистами заседаний суда в значительной степени регулировалось партийными органами, и такие решения областного комитета партии, как «поручить печати широко осветить процесс»¹⁰⁰ или «материалы дел освещать в прессе»¹⁰¹, были типовыми.

Вместе со взятым XV съездом партии курсом на социалистическую реконструкцию степень относительно свободного участия прессы постепенно стала сокращаться. Начиная с 1928 г. в ленинградских газетах становится все меньше регулярных репортажей из залов суда, а сообщения о рассмотрении дел в суде постепенно перемещаются на последние полосы изданий, соседствуя иной раз с заметками о физической культуре или театральными постановками. С 1930 г. в газете «Ленинградская правда» практически исчезает постоянная колонка судебной хроники. Без сомнения, это не касалось сообщений о тех судебных процессах, решение о показательной форме проведения которых принималось партийными органами. Например, упомянутый выше инцидент на фабрике «Скорород», покушение рабочего Быкова на мастера цеха, освещался в ноябре — декабре 1928 г. «Ленинградской правды» из номера в номер не менее 10 раз, все более приобретая черты «кампанейской борьбы» с «быковщиной»¹⁰², т. е. рвачеством и хулиганством. В декабре 1930 г. многочисленные статьи о слушании судом дела в отношении виновников трамвайной катастрофы на Средней Рогатке выходили на фоне широко освещавшегося печатью процесса

Промпартии и в его свете преподносили данное транспортное происшествие как эпизод сознательного вредительства¹⁰³.

К 1929 г. мы видим, что к Ленинградскому областному суду уже прикреплены «определенные» журналисты из «Ленинградской правды» и «Красной газеты». Другие репортеры, в том числе из «Смены», «Крестьянской правды», «Нашей газеты», Центрального отделения газеты «Правда», «Известий» и пр. стали считаться «случайными» или, как указывал в сентябре 1929 г. председатель Ленинградского областного суда А. И. Грибов, «репортеров этих мы не знаем вовсе»¹⁰⁴. От представителей печати, работающих с судом, стала требоваться обязательная партийность, в связи с чем А. И. Грибов обращал внимание областного комитета партии на то, что только один из прикрепленных к суду репортеров «является членом ВЛКСМ, а остальные беспартийные». Областной суд также возражал против выдачи судебных дел прессе без предоставления редакционного запроса и указывал, что «каждому случайному суд не считает возможным дела выдавать»¹⁰⁵.

По мнению предоблсуда А. И. Грибова, изложенному в письме в областной комитет партии в ноябре 1929 г., «взаимодействие с печатью в период реконструкции социалистической промышленности и сельского хозяйства, когда особо обостряется классовая борьба, является <...> одним из лучших орудий разоблачения». Председатель суда писал: «В этих условиях, когда на органы суда как никогда возлагается громадная ответственность в борьбе с преступностью, чтобы жесткими мерами предупредить ослабление проведения 5-летнего плана, наша печать не в достаточной мере продумывала и освещала фактическую сторону следственно-судебных материалов, предвосхищая судебный приговор. Это не шло на укрепление роли суда и прокуратуры. Если взять ряд моментов из зала суд заседания, когда репортеры посещают суд, будучи политически недостаточно грамотными, нередко искажают факты, добытые судебным следствием, помещая их в печать в разукрашенной форме, создавая тем самым нездоровую шумиху вокруг того или иного дела, благодаря чему не раз имелись расхождения между оценкой дела судом и печатью. Нужно добиться такого положения, чтобы по делам, имевшим большое общественное и политическое значение, оценка их в печати происходила на основании тех объективных данных, которые добыты прокурором и судом. Противоположное ставит в крайне затруднительное положение органы суда <...> и ведет к их дискредитации»¹⁰⁶. Ответом на это обращение стало принятие областным комитетом ВКП(б) в декабре 1929 г. решения «об освещении в печати политических судебных процессов», которым «в целях правильного освещения в периодической прессе судебных процессов, а также общей работы суда и прокуратуры», было решено «прикрепить к органам суда <...> опытных партийных репортеров, пересмотрев в двухнедельный срок нынешний состав сотрудников, <...> предложить прокурору и предсуда своевременное информирование редакторов о происхождении дел, имеющих крупное общественно-политическое значение, ставя при этом

в известность о намеченной общей установке процесса; считать необходимым осведомление репортерами <...> о содержании даваемого в газету отчета; предложить газетам уделять больше места освещению работы суда и прокуратуры, особо в делах, отражающих политику партии в области наступления на капиталистические элементы»¹⁰⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принципы гласности и открытости суда были заимствованы советским судопроизводством из дореволюционного судебного процесса, повторяя его основные элементы: свободный доступ публики в залы суда и освещение судебной деятельности печатью. Это позволяло следить за хроникой дел в судах и вынесением приговоров по громким судебным процессам, однако с 1928 г. стала прослеживается тенденция к сокращению информирования населения. Кроме того, поскольку суд советского периода не предполагал гарантий его независимости, представляется, что принципы открытости и гласности суда в значительной степени перестали иметь то значение, которое придавалось этому институту в дореволюционное время. Так как органы советской юстиции находились в полном подчинении партии, сам по себе публичный характер судебной деятельности прямо использовался РКП(б)-ВКП(б) в своих политических и пропагандистских целях, а открытый судебный процесс зачастую служил способом дополнительного усиления репрессивной политики государства. Это находилось в прямом противоречии с первоначальным пониманием данных принципов, о котором А. Ф. Кони писал так: «Общество должно верить в свой суд, должно уважать его деятелей, и оно будет с доверием относиться к его ежедневной, рядовой деятельности, к его приговорам о безвестных Иванях, Сидорах, Егорах, когда по привлекающим общее внимание делам, по делам, волнующим и выходящим из ряда, оно будет видеть, что суд спокоен и действует безмятежно, не утаивая ничего, ничего не изменяя, не прибегая к исключительным способам и приемам»¹⁰⁸.

¹ Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-9.htm> (дата обращения 05.09.2021); Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения 05.09.2021); Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/1c70c320a6fcfa2fbadef95fc3294b632f469c0/ (дата обращения 05.09.2021); Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/7b39d4241656912d650ac103216ecd32ccbfb358/ (дата обращения 05.09.2021).

² Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения 05.09.2021).

- ³ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 года № 35 «О открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139119/ (дата обращения 05.09.2021).
- ⁴ 20 ноября 1864 г. Александр II утвердил «Учреждение судебных установлений», статья 153 которого гласила: «Судебные заседания для решения уголовных и гражданских дел происходят публично». Цит. по: *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. Т. III. На рубеже веков: эпоха войн и революций. М.: Мысль, 2003. С. 436.
- ⁵ Устав Уголовного судопроизводства. СПб., 1892. С. 13, 22, 106, 110.
- ⁶ *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 года в России. (Сущность и социально-правовой механизм формирования) // Судебная реформа 1864 года: исторические аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.vsu.ru/structure/theory/docs/korotkykh-sud-ref1864.pdf> (дата обращения 05.09.2021).
- ⁷ Там же. Устав Уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 1892. С. 86, 87.
- ⁸ Там же. С. 85, 86; А. Ф. Кони в воспоминаниях писал: «Что же делала публика в заседании по делу Засулич? Она покрыла аплодисментами то место речи Александрова, где он говорил о наказании Боголюбова. Я тотчас остановил эти рукоплескания и при водворившейся тишине предупредил публику, что зала будет очищена, если повторятся шумные выражения одобрения. Больше этого я сделать не имел ни права, ни основания. И затем все шло спокойно» (*Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич. М.: Academia, 1933. С. 180, 255).
- ⁹ Государственный музей политической истории России (далее — ГМПИР). КП-52269/24. Билет для входа 19.09.1906 г. в зал заседаний С.-Петербургской судебной палаты во время слушания дела о «Совете рабочих депутатов». Санкт-Петербург. 1906 г.
- ¹⁰ А. Ф. Кони вспоминал: «Нечего было думать о впуске публики без билетов. Это значило бы вызвать всевозможные беспорядки, скандалы, и может быть даже, увечья <...> из трехсот билетов сто были розданы чинам судебного ведомства, для их друзей и знакомых» (*Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич. М.: ACADEMIA, 1933. С. 94, 95).
- ¹¹ ГМПИР. КП-52279/277. Ф. II-13281. Прощение В. И. Засулич, поданное 21.03.1878 г. председателю Петербургского окружного суда, о выдаче ей билетов для родственников для входа в суд по ее делу.
- ¹² Весь Петербург. 1914 год [Электронный ресурс]. С. 351–381. URL: http://nlr.ru/cont/v_r/1914.php (дата обращения 05.09.2021).
- ¹³ Устав Уголовного судопроизводства. С. 87; *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. Т. IV. На рубеже веков: эпоха войн и революций. М.: Мысль, 2003. С. 12.
- ¹⁴ *Николаев А. Б.* К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2009. С. 33.
- ¹⁵ 3 марта 1917 г. министр юстиции А. Ф. Керенский издал приказ № 2 о создании в Петрограде временных судов, каждый из которых должен был состоять из трех человек — мирового судьи, представителя от армии и представителя от рабочих, см.: Приказы министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. С. 50.
- ¹⁶ *Николаев А. Б.* Временные суды в Петрограде (март — июль 1917): взлет и падение. Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 87, 88, 98.
- ¹⁷ Декреты о Суде рабочего и крестьянского правительств. Пг.: Издание комиссариата надупраздненным Петроградским Окружным Судом и Судебной палатой, 1918. С. 1.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 162–163.
- ¹⁹ *Строгович М. С., Карницкий Д. А.* Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий с приложением проекта УПК / Под ред. Н. Я. Нехамкина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. С. 30.

- ²⁰ В менее развернутом виде эта идея уже просматривалась при создании Временных судов, которые зачастую называли «судом совести», «народным судом», «судом революционно-го народа» (см. *Николаев А. Б.* Временные суды в Петрограде (март — июль 1917 г.): взлет и падение. Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). С. 87).
- ²¹ Народный суд // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 нояб. С. 7.
- ²² С. Кучеров приводит пример рассмотрения дела Выборгским временным революционным судом: обвиняемым являлся некий Васька Рыжий, который хотя и не был пойман с поличным на воровстве, однако у него при задержании были обнаружены 7 ключей от различных багажных замков. Оправдывая себя, Васька говорил, что «этот ключ принадлежит ему», «а этот — матери», «третий — брату» и т. д. Такие объяснения вызвали смех в зале суда, выкрики с мест о виновности и Васька был приговорен к году принудительных работ (см.: *Kuchero S.* The organs of soviet administration of justice: Their history and operations. Lieden: Publ. House E. J. Brill, 1970).
- ²³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 699–708.
- ²⁴ Декреты советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 474.
- ²⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 181–183.
- ²⁶ Положение о народном суде; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Харьков: Нар. ком. юстиции, 1920. С. 7.
- ²⁷ Хроника // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 247. 9 дек. С. 6; Революционный трибунал // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 251. 14 дек. С. 6.
- ²⁸ Народный суд // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 251. 14 дек. С. 9,10; О новых судах // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 257. 21 дек. С. 9.
- ²⁹ От комиссара юстиции // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 257. 21 дек. С. 6.
- ³⁰ *Вышинский А. Я.* Марксистско-Ленинское учение о суде и советская судебная система. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 38.
- ³¹ Дело митрополита Вениамина (Петроград, 1922). М.: Тритэ, Российский архив, 1991. С. 16.
- ³² Не публиковавшиеся ранее фотографии процесса «церковников» автору были любезно предоставлены внуками коменданта суда (впоследствии судьи Ленинградского областного суда) А. Н. Кондакова, в ведении которого находилось осуществление порядка в процессе «Петроградских церковников» (см. Семейный архив А. Ю. Кондакова — З. Ю. Шатовой)
- ³³ Дело митрополита Вениамина (Петроград, 1922). С. 15.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 14, 21, 22.
- ³⁶ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие “Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8322#vvg6ZgSayftbuKZj1> (дата обращения 05.09.2021).
- ³⁷ Весь Ленинград: адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1924 год. Л., 1924. С. 116–119.
- ³⁸ *Строгович М. С., Карницкий Д. А.* Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий с приложением проекта УПК. С. 30.
- ³⁹ Уголовно-Процессуальный кодекс Р.С.Ф.С.Р. с алфавитно-предметным указателем. Пг.: Изд-во отдела Петрогубисполкома, 1923. С. 9, 10.
- ⁴⁰ Гражданский Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. с алфавитно-предметным указателем. М.: Мосполиграф, 1923. С. 15.

- 41 Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем. С. 10.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 141.
- 44 Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем. С. 31.
- 45 Брок О. Диктатура пролетариата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2018. С. 92–93.
- 46 Ленинградский государственный областной архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ). Ф. Р-2453. Оп. 4. Д. 1; Оп. 1. Д. 4; Д. 14; Оп. 4. Д. 6; Ф. Р-2205. Оп. 1. Д. 219; Д. 50. Т. 1; Д. 94.
- 47 Уголовный Кодекс РСФСР. Опочка: Путь к знанию, 1922. С. 27.
- 48 Строгович М. С., Карницкий Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий с приложением проекта УПК. С. 31.
- 49 Дело Уссаса в Ленинградском губернском суде. Стенографический отчет. Л.: Рабочий суд, 1925.
- 50 Центральный государственный архив кинофотодокументов (далее — ЦГА КФФД СПб). Вр. 751. Фотография. Толпы народа у здания губернского суда в ожидании окончания закрытого процесса по делу ксендза Уссаса. 14.04.1925.
- 51 ЛОГАВ. Ф. Р-2205. Оп. 1. Д. 245.
- 52 Там же. Д. 209.
- 53 Чубаровщина: По материалам судебного процесса / Под ред. В. С. Брука, ст. помощника прокурора Ленингр. губ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 8, 14, 59.
- 54 ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.
- 55 ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 5. Л. 420, 422, 424, 427.
- 56 Суд должен продолжаться: [видео]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qOR2Z7dXqNc> (дата обращения 05.09.2021).
- 57 Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР. С. 85.
- 58 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД). Ф. 1448. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
- 59 Там же. Л. 28.
- 60 Вышинский А. Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 39.
- 61 Там же. С. 42.
- 62 Строгович М. С., Карницкий Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий с приложением проекта УПК. С. 30.
- 63 ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.
- 64 Там же. Л. 11.
- 65 ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 1. Д. 4. Л. 36, 37.
- 66 Там же. Д. 45 (Стенограмма доклада прокурора области на заседании Президиума Ленобл-исполкома от 14.01.1928 по вопросу борьбы с хулиганством в Ленинграде).
- 67 ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 22. Л. 153.
- 68 Сегодня суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 333. 4 дек. С. 3.
- 69 Вышинский А. Я. Судебные речи. М.: Юридическая литература, 1953. С. 46–97.
- 70 ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 29. Л. 169–172 (Проект резолюции по докладу т. Грибова на секретариате обкома об участии судебных органов в проведении хозяйственно-политических кампаний в 1930/31 г.).
- 71 Там же. Д. 10. Л. 84, 85.
- 72 Там же. Д. 18. Л. 62.
- 73 Доклад о работе УКК Верховного Суда РСФСР по делам, поступившим от главсудов, облсудов и губсудов за 1924 год в кассационном порядке и в порядке надзора // УПК РСФСР с новейшими дополнениями (по 1-е октября 1926 г.) и с приложением директивных и инструктивных писем Верх. суда РСФСР 1925–1926 гг. 3-е изд. Л.; М.: Рабочий суд, 1926. С. 153.
- 74 ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

- ⁷⁵ Там же. Д. 22. Л. 158.
- ⁷⁶ Рабочий суд. 1925. № 39–40.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. № 27–28.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 1. Д. 13. Л. 74.
- ⁸¹ ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–9, 70.
- ⁸² Там же. Д. 34. Л. 10–13.
- ⁸³ Рабочий суд. 1925. № 47–48; № 51–52; 1926. № 9–80; 1929. № 3–4 и др.
- ⁸⁴ ЛОГАВ. Ф. Р-2205. Оп. 1. Д. 50. Т. 1; Д. 94. Л. 47.
- ⁸⁵ Из залы суда // Ленинградская правда. 1927. № 133. 15 июня. С. 3.
- ⁸⁶ Дело сотрудников 22 отделения милиции // Ленинградская правда. 1927. № 145. 29 июня. С. 3.
- ⁸⁷ Суд // Ленинградская правда. 1927. № 189. 21 авг. С. 3.
- ⁸⁸ По судам // Красная газета: орган Ленингр. ГК ВКП(б) и Ленингр. Совета р. к. и к. д. 1927. № 34 (1352). 6 февр. С. 3.
- ⁸⁹ Месть. Из залы суда // Ленинградская правда. 1927. № 87. 16 апр. С. 3.
- ⁹⁰ Последыш охраны // Ленинградская правда. 1927. № 84. 13 апр. С. 3.
- ⁹¹ Суд над белогвардейцами – наемниками иностранных разведок. Из залы Губсуда // Ленинградская правда. 1927. № 217. 23 сент. С. 3.
- ⁹² Нравы нэпачей (суд над бывшим арендаторами фабрики «Крафт»). Из залы суда // Ленинградская правда. 1927. № 205. 9 сент. С. 3.
- ⁹³ Воры взаимопомощи // Ленинградская правда. 1927. № 194. 27 авг. С. 3.
- ⁹⁴ Овечки с фермы // Ленинградская правда. 1927. № 181. 11 авг. С. 3.
- ⁹⁵ Дело о калыме // Ленинградская правда. 1927. № 157. 13 июля. С. 3.
- ⁹⁶ По судам. В угаре НЭПа // Красная газета: орган Ленингр. ГК ВКП(б) и Ленингр. Совета р. к. и к. д. 1927. № 104 (1422). 19 апр. С. 3.
- ⁹⁷ Юридические звезды // Ленинградская правда. 1928. № 257. 3 нояб. С. 5.
- ⁹⁸ К проверке судебного аппарата. Зигзаги классовой линии // Ленинградская правда. 1929. № 177 (4251). 4 авг. С. 3.
- ⁹⁹ Судьи без церемоний // Ленинградская правда. 1928. № 293. 18 дек. С. 3.
- ¹⁰⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 18. Л. 70.
- ¹⁰² Покушение на мастера-выдвиженца // Ленинградская правда. 1928. № 258. 4 нояб. С. 5; Преступление рвача Быкова // Ленинградская правда. 1928. № 259. 6 нояб. С. 5; Огонь по «быковщине» // Ленинградская правда. 1928. № 263. 13 нояб. С. 3; «Быковщину» вытравим без остатка // Ленинградская правда. 1928. № 263. 13 нояб. С. 5; Быков – враг рабочего класса // Ленинградская правда. 1928. № 263. 13 нояб. С. 5; Почва «быковщины» // Ленинградская правда. 1928. № 263. 13 нояб. С. 3; Рабочие возмущены преступлением Быкова. Требуем, чтобы пролетарский суд сурово покарал Быкова // Ленинградская правда. 1928. № 264. 14 нояб. С. 4; Письмо рабочих «Красного Путиловца» рабочим «Скорехода» // Ленинградская правда. 1928. № 264. С. 4; Дело Быкова будет слушаться областным судом под председательством тов. Озолина // Ленинградская правда. 1928. № 289 (4090). 13 дек. С. 5.
- ¹⁰³ Сегодня суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 333. 4 дек. С. 3; Суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 334. 5 дек. С. 4; В суде. Суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 335. 6 дек. С. 4; Суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 336. 7 дек. С. 4; Суд над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 337. 8 дек. С. 4; Выжечь преступную расхлябанность, безответственность и бездушный бюрократизм в работе транспорта. Приговор над виновниками трамвайной катастрофы // Ленинградская правда. 1930. № 340 (4715). 11 дек. С. 6.

¹⁰⁴ ЛОГАВ. Ф. Р-3820. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Д. 7. Л. 78, 79.

¹⁰⁷ Там же. Д. 18. Л. 17.

¹⁰⁸ Кони А. Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1967. С. 198.

References

BROK O. *Diktatura proletariata* [Dictatorship of the proletariat]. Moscow: Publ. House im. Sabashnikovyh, 2018.

Chubarovshchina: *Po materialam sudebnogo processa* / Pod red. V.S. Bruka, st. pomoshchnika prokurora Leningr. Gub. [Chubarovshchina: Based on the materials of the trial]. Moscow; Leningrad: Publ. House Gos. izd-vo, 1927.

Delo mitropolita Veniamina (Petrograd, 1922) [The case of Metropolitan Benjamin (Petrograd, 1922)]. Moscow: Publ. House Trite, Rossijskij arhiv, 1991.

KONI A. F. *Istoriya razvitiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v Rossii*. Sobr. soch.: V 8 t. T. 2 [The history of the development of criminal procedure legislation in Russia. Op. in 8 vols. Vol. 2]. Moscow, 1967.

KONI A. F. *Vospominaniya o dele Very Zasulich*. [Memories of the case of Vera Zasulich]. Moscow: Akademiya, 1933.

KOROTKIH M. G. *Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii. Sushchnost' i social'no-pravovoj mekhanizm formirovaniya* [Judicial reform of 1864 in Russia. The essence and socio-legal mechanism of formation]. URL: <http://www.law.vsu.ru/structure/theory/docs/korotkykh-sud-ref1864.pdf> (date of access 05.09.2021).

KUCHEROV S. *The organs of soviet administration of justice: Their history and operations*. Lieden: Publ. House E.J. Brill, 1970.

KUTAFIN O. E., LEBEDEV V. M., SEMIGIN G. Yu. *Sudebnaya vlast' v Rossii*. T. III. Ch. IV. Na rubezhe vekov: epoha vojn i revolyucij [Judicial power in Russia. Vol. III. T. IV. At the turn of the century: the era of wars and revolutions]. Moscow: Mysl', 2003.

LENIN V. I. *Poln. sobr. soch. T. 36* [Complete works. Vol. 36]. Moscow: Politicheskoi literatury, 1974.

NIKOLAEV A. B. *K voprosu o razgrome kamer mirovyyh sudej v Petrograde v dni Fevral'skoj revolyucii. Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady* [On the question of the defeat of the chambers of justices of the peace in Petrograd in the days of the February Revolution. Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views]. St. Petersburg, 2009.

NIKOLAEV A. B. *Vremennye sudy v Petrograde (mart – iyul' 1917): vzlet i padenie. Epoha vojn i revolyucij: 1914–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma* [Provisional courts in Petrograd (March – July 1917): rise and fall. The era of wars and revolutions: 1914–1922: Materials of the international colloquium]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.

STROGOVICH M. S., KARNICKIJ D. A. *Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR. Postatejnyj kommentarij s prilozheniem proekta UPK* / Pod red. N. YA. Nekhamkina. 3-e izd. [Criminal Procedure Code of the RSFSR. Article-by-article commentary with the attachment of the draft CPC]. Moscow: Publ. House NKYU RSFSR, 1928.

VYSHINSKIY A. Ya. *Marksistko-Leninskoe uchenie o sude i sovetskaya sudebnaya sistema* [Marxist-Leninist doctrine of the court and the Soviet judicial system]. Moscow: Sov. zakonodatel'stvo, 1934.

VYSHINSKIY A. Ya. *Sudebnye rechi*. [Judicial speeches]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1953.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. А. Воробьева. Открытость и гласность судопроизводства: от дореволюционного суда к советскому суду первой пятилетки // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 49–69

Аннотация: В статье предпринята попытка на примере изучения судов Петрограда-Ленинграда 1917 — начала 1930-х гг. дать оценку трансформации таких основополагающих принципов судопроизводства, как открытость и гласность суда. Основным источником исследования является делопроизводственная документация Петроградского губернского суда, Ленинградского областного суда, камер народных судей, отложившаяся в ЛОГАВ и ЦГАИПД СПб, а также публикации в периодических изданиях «Рабочий суд», «Известия», «Ленинградская правда», «Красная газета». Формулируется тезис о том, что в основе публичности советского суда лежали соответствующие начала дореволюционного пореформенного судебного процесса. Делается предположение о том, что в условиях контроля со стороны РКП(б)-ВКП(б) за отправлением правосудия выхолащивалось содержание принципов гласности и открытости; публичный характер судебной деятельности использовался органами партии в политических и пропагандистских целях ВКП(б), а открытый судебный процесс зачастую служил способом дополнительного усиления репрессивной политики государства.

Ключевые слова: советский суд, Ленинград, открытость и гласность суда, коммунистическая партия.

FOR CITATION

I. A. Vorobieva. Openness and publicity of legal proceedings: from the pre-revolutionary court to the Soviet court of the first five-year plan // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 49–69

Abstract: The article makes an attempt on the example of studying the courts of Petrograd-Leningrad in 1917 — early 1930s to assess the transformation of such fundamental principles of legal proceedings as openness and transparency of the court. The main source of the study is the office documentation of the Petrograd Provincial Court, the Leningrad Regional Court, the chambers of people's judges, deposited in the LOGAV and TsGAIPD St. Petersburg, as well as publications in the periodicals *Rabochy Sud, Izvestia, Leningradskaya Pravda, Krasnaya Gazeta*. The thesis is formulated that the publicity of the Soviet court was based on the corresponding principles of the pre-revolutionary post-reform judicial process. The assumption is made that under conditions of control by the RCP(b)-VCP(b) over the administration of justice, the content of the principles of publicity and openness was emasculated; the public nature of judicial activity was used by party bodies for political and propaganda purposes of the VCP(b), and an open trial often served as a way to further strengthen the repressive policy of the state.

Key words: Soviet court, Leningrad, openness and publicity of the court, the communist party.

Автор: Воробьева, Ирина Альбертовна — судья Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга.
Author: Vorobieva, Irina Albertovna — judge of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg.
E-mail: vorobey22@mail.ru